
ЦИКЛЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

С. В. ДОБРОЛЮБОВ

ЕВРОПА: ЦИКЛ СТРУКТУРНОГО РОСТА В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

В статье рассматриваются ход и последствия текущей трансформации и кризиса Европы, для чего используется модель структурного жизненного цикла обществ. При этом в эволюционной ретроспекции рассматривается рост формата обществ от групп собирателей и охотников до современных наций, а в эволюционной перспективе – рост обществ до цивилизационного и даже глобального формата. Европа в своей истории уже прошла путь формирования обществ полисного, территориального и национального форматов. Сегодня в ней происходит трансформация национальных обществ-государств в одно общество-государство цивилизационного формата. Эта цивилизация-государство будет характеризоваться общим цивилизационным (то есть уже не национальным) коллективным сознанием и самосознанием, цивилизационной социальной идентичностью, цивилизационным эгоизмом и т. д. С точки зрения этой структурной трансформации предлагается рассматривать природу современных ценностных, культурных, политических и геополитических кризисов в Европе. При этом эволюционная перспектива Европы всегда остается открытой. Она определяется способностью преодолеть материальные и ценностные ограничения появления общества-цивилизации и в конечном итоге оказывается результатом приложения воли и усилий социальных акторов.

Ключевые слова: социальная эволюция, структурный цикл, европейская цивилизация, социальный формат.

* **Для цитирования:** Добролюбов, С. В. 2026. Европа: цикл структурного роста в эволюционной перспективе. *История и современность* 1: 3–32. DOI: 10.30884/iis/2026.01.01.

For citation: Dobrolyubov, S. V. 2026. Europe: The Cycle of Structural Growth in Evolutionary Perspective. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 1: 3–32 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2026.01.01.

История и современность, № 1, март 2026 3–32

DOI: 10.30884/iis/2026.01.01

Введение

Европа сегодня находится в трансформации и в кризисе. Европейские нации, некогда воевавшие друг с другом, трансформируются в единое социальное целое, но одновременно оказываются в общем кризисе, который имеет множественные измерения. Встает вопрос: куда ведут Европу эта трансформация и этот кризис?

Возможные ответы находятся в широком диапазоне мнений – от известного представления О. Шпенглера о «закате Европы» до недавнего высказывания главы европейской дипломатии Ж. Борреля о том, что «Европа – это сад».

Социологическая теория не отвечает на вопрос, будет Европа процветать или деградировать. Ее взгляды на социальные изменения, как правило, не выходят за рамки активистской парадигмы, которая ориентируется на субъективные факторы политического действия, мобилизации, организации движений и т. д. (Бергер, Лукман 1995; Олсен 1995; Тилли 2019). Это порождает иллюзию свободы человека осуществлять социальные трансформации. Нас же интересует объективная составляющая структурных процессов, которая и формирует коридор возможных изменений.

Но и объективистские подходы, которые рассматривают общество либо как устойчиво функционирующую *систему*, стремящуюся к компенсации возмущений (Парсонс 1998; Луман 2004), либо как *процесс* постоянного разрешения внутренних противоречий (Маркс, Энгельс 1959; Дарендорф 2002), также не дают инструментов для рассмотрения Европы как социальной целостности, поскольку имеют в виду абстрактные систему или «общество вообще». Так же и мир-системный анализ (Валлерстайн 2001; Коротаев и др. 2007), полезный во многих других отношениях, не рассматривает зарождение и распад компонентов Мир-Системы в терминах их жизненного цикла.

Расцвет и коллапс обществ оказывается в поле зрения не социальных теоретиков, а историков, антропологов, экологов (Тойнби 2004; Tainter 1990; Даймонд 2010).

Очевидно, что общество – это и система, и процесс. В одних состояниях оно демонстрирует функциональность и системную устойчивость, а в других – конфликтность и трансформацию из одного состояния в другое. Кроме того, общество – это конкретное социальное образование, имеющее, как и организм, *стандартную* программу структурного развития и находящееся в среде таких же

обществ. Теоретическая задача состоит в объединении этих свойств в общую модель структурных трансформаций общества в его жизненном цикле. Но, прежде чем перейти к такой модели и ее применению к Европе, посмотрим на структурный процесс в эволюционной перспективе.

Структурная фаза социальной эволюции

Общество как социальное целое. У человека нет поведенческих свойств, которые бы не имели своих противоположностей. Человек конкурирует, но также сотрудничает, конфликтует и солидаризуется, проявляет эгоизм и альтруизм, использует власть и подчиняется ей. Такая дихотомия свойств ведет к тому, что люди не только конкурируют друг с другом, но и сплачиваются в солидарные сообщества, которые начинают конкурировать, как индивиды, проявляя все их свойства в групповой (коллективной) форме. В результате сообщества имеют коллективное сознание и самосознание, коллективный эгоизм и альтруизм, коллективно конкурируют и сотрудничают, доминируют и подчиняют другие сообщества. Эти свойства социального целого порождаются индивидуальными свойствами, но не редуцируются к ним.

Мы имеем дело не с «обществом вообще», как его рассматривает, например, марксизм (рабовладельческим, феодальным, капиталистическим), а с конкретным обществом, которое возникает, приобретая собственные свойства (системность, солидарность, эгоизм), и распадается, теряя их. То есть общество может зарождаться и распадаться, как и отдельный индивид.

В рамках нашего анализа нас интересуют два типа структур целого. Структура властной (политической) организации и структура одинакового (общественного) сознания. Для этих структур мы используем термины «коллективный агент» и «коллективный субъект» (Добролюбов 2012б), посредством которых различаем политическую организацию и солидарное сообщество, то есть государство и общество.

Обе структуры – политическая и общественная – имеют тенденцию к росту, поскольку индивидуальные потребности, которые их формируют (потребность во власти и в солидарности), никогда не удовлетворяются полностью и окончательно. Но рост сложности любой структуры имеет ограничения. Для социальной структуры такими ограничениями являются уровень развития материального производства и уровень развития сознания.

Также различается и динамичность социальной и политической структур. Общественное сознание может вызревать десятилетиями и даже столетиями, а политическая организация может формироваться быстро и забегать вперед. Это приводит к образованию крупных империй, в которых структура политической власти выходит далеко за пределы сплоченного социального ядра, например в империях инков, монголов, Александра Македонского.

Формат общества (социальный формат). Рост социальной структуры происходит (и возможен) через определенные социально-политические форматы, в которых общество способно устойчиво закрепляться. То есть форматы – это структурные аттракторы. Эволюционно первичным аттрактором была группа собирателей и охотников. Лишь после неолитической революции открылась возможность для появления более сложных обществ в более широких форматах.

Формат общества – это характеристика его масштаба, то есть внутреннего разнообразия, размера территории, численности населения, природно-географической ниши и т. д. Такие ниши образуются природными или ландшафтными ограничениями общения, коммуникации, передвижения, хозяйственной деятельности и т. д.

Поскольку структурный рост протекает и в культурном ландшафте, то форматы, в особенности крупные, также тяготеют к нишам, формируемым религиозной, этнической, языковой и прочей родственностью. Соответственно, имеет место как родственная конкуренция, понимаемая ее участниками как объединение, централизация, «собрание земель» и т. д., так и неродственная конкуренция, ведущая к химерическим имперским объединениям.

При всем разнообразии взглядов на раннюю и современную эволюцию (Claessen, Skalnik 1978; Гринин 2007) все же обнаруживается сквозная эволюционная последовательность обществ, которую можно представить в виде: *группа – соседское поселение – вождество – сложное вождество – раннее государство* (город-государство) – *территориальное государство* (развитое государство) – *национальное государство* (зрелое государство) – *цивилизация-государство* (единая Европа). Каждому типу обществ соответствует свой структурный формат.

При этом мы разделяем государственную (в общем случае – политическую) и общественную структуры, так как они могут не совпадать и существовать в разных форматах. В эволюционном отношении нас интересует формат общества, а не формат полити-

ческой власти, поэтому в характеристике форматов мы стараемся не использовать термин «государственный».

Таким образом, последовательность форматов обществ, обладающих государственностью и следующих за сложным вождеством, мы продолжаем *полисным* форматом, поскольку первичные государственные общества возникали как города-государства или городские полисы. За полисным следуют *территориальный – национальный – цивилизационный* форматы. Очевидно, существует и *глобальный* формат общества, хотя бы как потенциальная возможность.

Каждый следующий формат является композицией предыдущих, их интеграцией в единое целое. Это происходит потому, что общества, включенные в более широкий формат, не исчезают полностью, а только лишаются своих основных свойств – самодостаточности и субъектности.

Для ранних обществ такая структурная вложенность или композитность форматов более очевидна; например, вождество образуется несколькими поселениями, а сложное вождество – несколькими вождествами. Но и эволюционно более поздние форматы также можно характеризовать такой вложенностью. Территориальные общества часто образуются несколькими этнически родственными обществами полисного формата (например, Русское государство – несколькими княжествами), а современные национальные общества – разными этническими территориальными образованиями (например, Британию образовали королевства Англия, Уэльс, Шотландия).

Поэтому *территориальный формат*, в котором существует территориальное общество-государство, мы будем понимать как формат простых, или моноэтнических наций. При этом собственно *национальный формат* будем относить к сложным, или полиэтническим нациям, которыми являются, помимо упомянутых британцев, современные французы, немцы, испанцы, итальянцы, а также современные россияне (Добролюбов 2012а).

Структурная фаза социальной эволюции (Рис. 1) возникает потому, что до определенного момента общество человека структурно не эволюционировало. Большую часть времени существования нашего вида человек находился в группах собирателей и охотников. Но после неолитической революции общества начали эволюционировать к все более крупным форматам. Естественным пределом этой эволюции является общество глобального формата. После

этого структурная эволюция общества остановится, и общество человека вновь будет существовать в одном структурном формате.

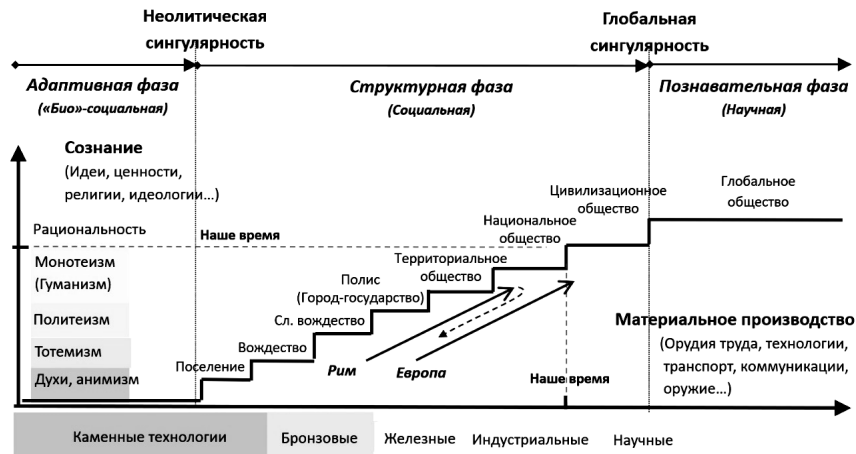

Рис. 1. Фазы социальной эволюции и структурные форматы

Соответственно, можно выделить и две структурные сингулярности – неолитическую и глобальную как моменты перерождения природы общества, форм индивидуальной и групповой конкуренции, механизмов познания, развития и эволюции (Добролюбов 2016).

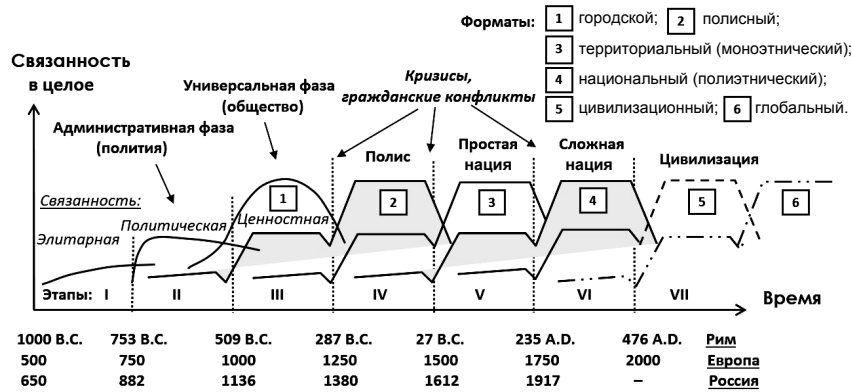
Постоянная устремленность структуры к росту и наличие ограничений этого роста формирует структурные циклы зарождения, роста и распада обществ. Соответственно, данная последовательность форматов является макроэволюционной. Она указывает не на формат конкретных обществ, а на максимально возможный формат, которого они могут достичь при данных эволюционных ограничениях – материальных и идеологических. Однако наличие жизненного цикла обществ означает, что эволюционную последовательность форматов можно обнаружить и как историческую для каждого конкретного общества.

Модель структурного жизненного цикла

Большинство обществ прошлого оказываются в поле нашего исторического видения, начиная с формата сложного вожества, подразумевающего наличие городского центра и городской общины.

В каждом формате общность проходит несколько фаз трансформации, основными из которых являются административная и уни-

версальная (см. Рис. 2). Они связаны с разным типом связанности индивидов в социальное целое. Также имеют место предварительная (зарождение) и завершающая (разложение) фазы жизни общности. Продолжительность универсальной фазы определяет весь темп движения общества к более крупным форматам. Подробно этот процесс рассматривается в (Добролюбов 2010, 2012а; Dobrolyubov 2009). Сейчас же остановимся лишь на основных понятиях.

Рим: 1 – городская община; 2 – городской полис – лаций; 3 – Италия; 4 – империя.

Европа: 1 – маноры, феодалы, сельские и городские общины; 2 – герцогства, княжества, графства и городские республики; 3 – моноэтнические (простые) нации; 4 – полиэтнические (сложные) нации; 5 – европейская цивилизация; 6 – глобальное общество.

Россия: 1 – городские общины; 2 – удельные княжества; 3 – великорусская моноэтническая нация; 4 – российская полиэтническая нация; 5 – российская (евразийская) цивилизация.

Рис. 2. Модель структурного роста общества

Административная фаза начинается с политического объединения разных обществ (завоевания, подчинения, добровольного или вынужденного синойкизма и т. д.). В результате образуется политическая конструкция, в которой человек административно принуждается к общим процедурам, законам, стандартам поведения, языку и т. д. Со временем в ходе общения начинается типизация практик, идей, ценностей, сознаний.

На **универсальной фазе** вызревает общественное (коллективное) сознание как общая (типичная) часть индивидуальных сознаний. В результате рефлексии на свою одинаковость с другими в общественном сознании возникает часть, содержащая одинаковое среди индивидов ценностное восприятие своей общности. Эта часть общественного сознания является уже общественным (коллектив-

ным) самосознанием. Оно и есть коллективное «мы», отделяющее общество от «они». Это «мы» всегда содержит эгоистическую компоненту, так же как индивидуальное «я» (Tajfel, Turner 1986). Соответственно, возникает личная и коллективная *основная социальная идентичность*, первая как индивидуальное, а вторая как типичное среди индивидов отнесение себя к своему обществу и эгоистическое его восприятие.

Коллективное самосознание придает обществу субъектность, коллективный эгоизм, солидарность, деятельную целенаправленность. Общество становится самодостаточным и эгоистически целеустремленным (Парсонс 1998).

Наложение фаз и синхронизация циклов. Как только солидарное социальное целое (общество) возникает, оно начинает стремиться к дальнейшей политической экспансии. В случае успеха и нового более широкого политического объединения фазы накладываются и цикл повторяется в более широком формате.

Таким образом, конкуренция обществ приводит к тому, что в географических макрорегионах образуются растущие общества-лидеры, которые поглощают менее успешные общества. Процесс роста продолжается до тех пор, пока сохраняется возможность ценностной универсализации в одном общественном сознании растущей сложности. При невозможности формирования единого общества процесс срывается и вся политико-социальная система коллапсирует (фрагментируется).

На разных фазах различается преобладающий тип связанности личности в социальное целое. В предварительной фазе, которая является потенциальной для будущей общности, ее связанность обусловлена лишь связями элит, их политическими союзами, торговыми или культурными контактами и т. д. В административной фазе связанность обусловлена прямым военным или политическим принуждением, то есть социальной властью в явной форме. И лишь в универсальной фазе возникает ценностная связанность, реализующая неформальную коллективную солидарность членов общества.

Но это значит, что каждый раз коллективная субъектность и коллективный эгоизм должны растворяться в общественном самосознании более широкого формата. Отсюда и возникает завершающая фаза его разложения в меньшем формате. Такой перенос субъектности связан с кризисом основной социальной идентичности,

поскольку она также переносится на более широкую общность. Во время этого перехода индивид на время теряет ясное представление о своем обществе, что ведет к ослаблению групповой солидарности, гражданским, религиозным и этническим конфликтам, ценностным кризисам и т. д. Ориентируясь на них и на волны завоеваний, можно обнаруживать структурные циклы конкретных исторических обществ.

При этом время жизни общественного самосознания и субъектности в определенном формате оказывается стабильным для разных обществ и составляет около 250 лет (Dobrolyubov 2009; Добролюбов 2010, 2012а).

Глобализация. Используемая модель предполагает, что и глобализация является фазовым процессом, который ведет к определенному результату. Сегодня мы находимся в начале процесса на предварительной фазе. На ней глобальная связанность реализуется элитарными связями (экономическими, финансовыми, культурными и т. д.), но пока еще не политическими и тем более не социальными структурами. ООН остается совещательной площадкой, и лишь появление глобального суверена будет означать переход процесса в административную фазу. Впрочем, для выраженных полицентричных систем характерна задержка политической централизации, например греческих полисов или европейских наций. Скорее всего, задержка будет иметь место и в глобальной централизации.

Заметим, что нет смысла рассматривать возможность появления одного глобального общества-государства в этических категориях «хорошо-плохо» или «вредно-полезно». Это естественное завершение структурной эволюции, которое потребует своего ценностного и технологического фундамента.

Эволюционно-историческая последовательность форматов

Если несколько изменить схему на Рис. 1, отнеся все форматы и характеризующие их параметры на одну ось и отделив их от временной оси, то можно представить форматную последовательность как эволюционно-историческую. В этом случае явно обнаруживается структурная пульсация цивилизаций в макрорегионах (Рис. 3).

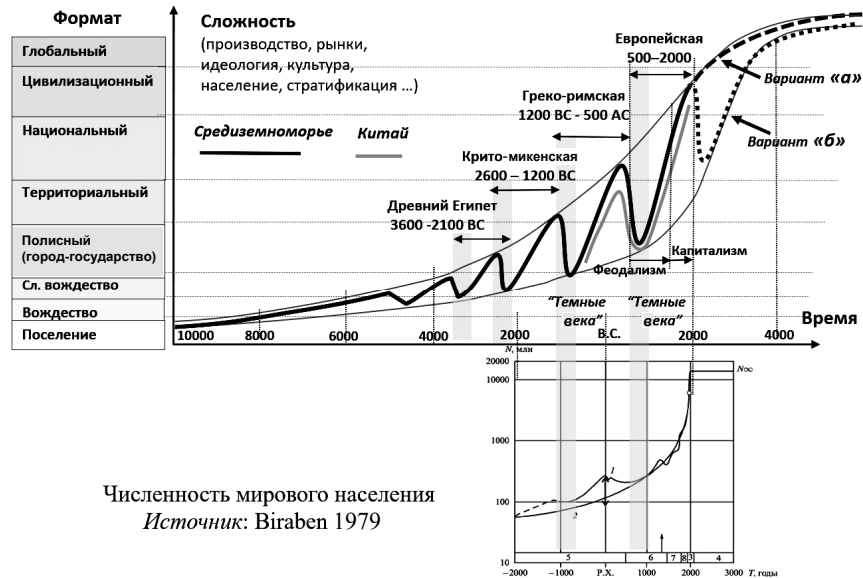

Рис. 3. Эволюционно-историческая схема форматов

Большие – до 1,2–1,5 тыс. лет – циклы зарождения, развития и распада крупных цивилизаций уже давно отмечались (Тойнби 2004). При этом в каждом таком цикле общество проходит структурную трансформацию от малых форматов до максимально возможных и одновременно от «Темных веков» к «высокой культуре», от сельской малонаселенности к скоплению масс людей в крупных городах, от малоразмерной натуральной экономики с доминированием общинного труда к крупному рынку, товарному производству и массовому использованию рабского или наемного труда. Иными словами, каждый раз от своего рода «феодализма» к своего рода «капитализму». Кстати, на «протобуржуазный» характер позднего римского общества обращали внимание и отечественные историки (Семенов 2003: 164; Васильев 2008).

Фрагментация крупной цивилизационной системы возвращала регион ближе к тому формату социальной организации и уровню материально-культурного развития, на котором находились разрушившие систему варварские общества. Тем не менее повторяющиеся циклы завершались вызреванием все более крупных и развитых обществ, а также вели к общему эволюционному развитию окружающей Мир-Системы.

Можно заметить, что общества в новом формате возникали *приблизительно* каждые две тысячи лет (см. Табл.). Повторимся, речь идет об обществе, а не политической организации. Более широкая политическая централизация как раз и указывает на наличие интересующего нас узкого сплоченного социального ядра, являющегося метрополией данной системы.

Таблица

Структурный формат	Примеры первичных обществ и период их появления
Группа	Появление человека современного вида, до 40 000 до н. э.
Соседское поселение (деревня)	Ранний период натуфийской культуры, неолитические поселения на Ближнем Востоке, около 11 000–9000 до н. э.
Вожжество	Стены и башни Иерихона, около 8000–7000 до н. э.
Сложное вождество	Городская революция, около 5000 до н. э. (Childe 1950); Эриду (Шумер) в убейдский период 6500–4100 до н. э.
Полисное общество (государственность)	Централизация номов Египта, около 3000 до н. э. Централизация Аккада, около 2500 до н. э. (зрелое полисное общество как метрополия централизованного государства)
Территориальное общество	Новое Царство Египта, “World power” (Shaw 2000), около 1500–1000 до н. э. (простая нация как метрополия империи)
Национальное общество	Италия и латинизированное ядро сенатских провинций, около 200–300 н. э. (сложная нация как метрополия Римской империи)
Цивилизованное общество	Единая Европа на универсальной цивилизационной фазе, приблизительно 2000–2250 н. э.

Европа подошла к последнему из этих форматов, поэтому возникает вопрос: в европейском ли (западном) структурном цикле произойдет выход из структурной фазы эволюции? Если да, то для этого потребуются еще одна административная, а затем универсальная фаза формирования глобального общества. В этом случае нас ждет еще 250–500 лет относительно устойчивого развития в условиях западного лидерства (вариант «а» на Рис. 3). Или процесс сорвется, как это всегда происходило раньше. Тогда новые «варвары» заполнят европейское или все западное пространство и начнут новый цикл структурного роста с меньших социальных форматов, новых «темных веков» и новой версии «феодализма». Это более длительный путь, измеряемый уже тысячелетиями (вариант «б» на Рис. 3).

Возможность продолжения лидерства Европы (Запада) в этом процессе связана со способностью преодолеть прежде всего ценностные эволюционные ограничения для обществ цивилизационного и глобального форматов.

В малых форматах, вплоть до полисного, эти ограничения преодолевались посредством появления более антропоморфных религиозных концепций либо собирания святилищ разным богам в общем центре. В более сложных форматах к этому добавлялась и культурная ассимиляция, жесткость которой зависела от общего уровня гуманизации сознания. Интеграция в единое цивилизационное общество становится возможной уже лишь при таком уровне развития сознания и толерантности, которые не предполагают ассимиляции наций.

Цивилизационный формат общества – это наднациональный (или многонациональный) формат. Политические образования в этом формате – это очень крупные империи, которые начали возникать довольно рано. Но единого общества или социального субъекта такого формата еще не возникало.

С этой точки зрения для интеграции родственных наций Европы нет эволюционных ограничений, поскольку западные либерально-демократические ценности и толерантность представляются вполне достаточными для этого. Однако для глобальной интеграции в единое общество от лидера потребуются большая гуманизация сознания и ценностная трансформация уже и природы экономических отношений (Добролюбов 2016).

Также встает вопрос о *европейской цивилизации*. Является ли она европейской или все же *западной*, включающей США, Канаду, Австралию и т. д.?

Если рассматривать цивилизацию в культурологических понятиях, то, безусловно, весь европеизированный Запад является одной культурной цивилизацией. Но мы используем понятие цивилизации в узкоструктурном смысле, имея в виду лишь цивилизационный формат общества. С этой точки зрения Европа является самостоятельной общественно-политической целостностью цивилизационного формата, то есть в структурном смысле – отдельной цивилизацией.

Другие страны западной культуры, выросшие из колоний европейских наций, реализуют собственные циклы структурного роста. Они изолированы от внутриевропейского взаимодействия наций и находятся в других региональных экономических, политических, геополитических и прочих обстоятельствах, поэтому и не могут участвовать в европейской интеграции.

Европа как социальный субъект

Современная фаза европейского структурного цикла является универсальной для общности цивилизационного формата. Ее зрелым выражением станет появление единой европейской общности как государства-цивилизации. На схеме (Рис. 2) условная точка, отделяющая эту фазу от предыдущей, отнесена к 2000 г. Также условны точки начала универсальных фаз европейских сложных наций (1750), простых наций (1500) и обществ полисного формата (1250), поскольку европейские общества проходили этот путь несинхронно.

Предыдущий этап (VI на Рис. 2) начался приблизительно с Французской революции и продолжался до современной евроинтеграции. В это время Европа представляла собой сообщество самодостаточных и эгоистических сложных наций. Они конкурировали и воевали между собой, стремились к гегемонии, пытались подчинить и политически объединить Европу. Таким образом, это была одновременно административная фаза общеевропейской общности. И хотя ни Наполеону, ни Гитлеру не удалось объединить Европу, но процесс сближения идей, сознаний, ценностей на этой фазе все равно шел.

Только с середины XX столетия, с большим запозданием, в Европе начала складываться единая политическая конструкция, которая могла возникнуть еще в ходе Наполеоновских войн. Вначале она была слабой, но в ее рамках очень быстро по историческим меркам идет процесс разложения национальных самосознаний и эгоизмов и вызревают общеевропейские. Соответственно, у индивидов ослабляется национальная идентичность и усиливается общеевропейская.

Перенос субъектности с национального формата на общеевропейский, как и в других случаях, связан с множественными кризисами и проходит на фоне борьбы элит – узких (в данном случае национальных) и общеевропейских (пробрюссельских).

Ценностный кризис проявляется как конфликт нетрадиционных ценностей с традиционными, который происходит при каждом переносе группового самосознания с одного формата на другой.

Ценности общества укоренены в его культуре, то есть в традиции. Например, британцы считают все свои ценности – семейные, религиозные, демократические, даже кулинарные и спортивные – британскими ценностями. То же можно сказать о французах, итальянцах, немцах. И сегодня в Европе традиционные ценности уко-

ренены в национальных культурах. Они продолжают служить идентификатором «мы-они», то есть маркером своего общества и идентичности как национальных. Именно поэтому традиционные (то есть национальные) ценности подвергаются атакам со стороны идеологии единой Европы и глобальной общности, то есть со стороны более широкого «мы», которому нужна собственная ценностная основа единения.

Широкое объединение является более разнородным и требует большей толерантности сознания к иному и отличному. Обычно эту задачу выполняла более человекоориентированная (более гуманистическая) религия, например христианство. В современном секуляризованном обществе эту роль берет на себя идеология защиты прав меньшинств – этнических, расовых, гендерных, сексуальных и т. д. Но этот в целом позитивный ценностный тренд к большей толерантности может приобретать в условиях ценностной борьбы радикальные, уродливые формы.

Это связано с тем, что более универсальные и – в данном случае – наднациональные ценности, которые нужны более широкой общности, могут создаваться и навязываться искусственно. Отсюда проистекают ценностное новаторство и радикализм каждой революционной эпохи.

Например, большевикам, начинавшим «мировую революцию» на раннем ленинском этапе, также мешала великорусская национальная культура. Они разрушали семью, Пушкина, церковь, уклад жизни и т. д., то есть разрушали традицию как таковую в любых ее проявлениях, для того чтобы очистить человека для новой культуры в новой всемирной «общности трудящихся». И хотя они забежали далеко вперед, но разрушение традиции способствовало формированию в сталинский период сложной российской нации, которая сегодня уже не является исключительно великорусской (Добролюбов 2012а).

Подобный подрыв традиционных ценностей, прежде всего религиозных, происходил при формировании каждой сложной нации. В Риме на этом переходе (этап VI на схеме Рис. 2) произошел отказ от традиционного пантеона богов. В Европе (наиболее ярко во Франции) имели место богоборчество, секуляризация, искусственное создание новых традиций (новояз, новый календарь, новый именованослов и т. д.).

Еще раньше, при образовании простых европейских наций (этап V), также подрывались традиционные религиозные ценности в ходе Реформации. Единая церковь оказалась растащенной по

национальным «квартирам». Но, главное, европейское сознание освободилось от христианского морального обременения (усмирение плоти, нестяжательство, братская любовь и т. д.) и открылось для протестантской, то есть буржуазной этики – ценностей накопления, потребления, конкуренции.

И при образовании полисов, например греческих и римского (этап IV), происходил подрыв родовых традиционных ценностей и «падение нравов», поскольку полисное общество требовало гражданской (то есть социальной), а не кровной ответственности и солидарности.

Но ценностный кризис всегда преодолевается установлением новой традиции и новых традиционных ценностей, которые оказываются лишь модификацией предыдущих. И современный ценностный кризис в Европе имеет остроту лишь до тех пор, пока имеет остроту конфликт национальных и объединительных элит, которые стремятся подорвать ценностную основу друг друга.

Политический кризис и борьба элит. Процесс трансформации наций в новое наднациональное социальное целое идет в Европе неравномерно. Он более явно выражен в малых странах Бенилюкса, которые не образовали на предыдущей фазе сложных наций (этап VI). Соответственно, они и не приобрели эгоизма такого формата и не являлись субъектами борьбы сложных наций за доминирование в Европе в XIX–XX вв.

Голландцы, фламандцы, люксембуржцы, датчане и некоторые другие малые нации Западной Европы остались простыми нациями. Они возникли на более ранней фазе (этап V) в ходе кризиса Реформации и религиозных войн и до недавнего времени находились в структурном гомеостазе в родственном окружении. Сейчас их слабовыраженное территориально-этническое самосознание более готово к интеграции в единое общество, поэтому они и образуют интеграционное «сердце» Европы.

За пределами этого ядра в сложных нациях Западной Европы и более молодых нациях Восточной Европы сегодня идет острая борьба двух элит – ориентированных на национальный либо на общеевропейский интерес и эгоизм.

Казалось бы, в каждой европейской стране национально ориентированные элиты должны быть сильнее элит, ориентированных на Брюссель, но само появление в Брюсселе политического центра начало влиять на соотношение их сил. Брюссель из условного (искусственного, виртуального) центра стал становиться реальным центром власти. Чем больше он распределяет ресурсов, создает

правил и регуляций и, как следствие, бюрократизируется, тем больше он огосударствляется и больше власти на себя перетягивает.

Создается более высокая, чем национальные, политическая карьерная лестница, направленная в Брюссель, так же как в России она направлена в Москву. Сегодня каждый политик в европейской стране стоит перед выбором – отстаивать местные национальные интересы, тем самым ссориться с Брюсселем и закрывать себе возможность европейской карьеры, либо лавировать и проводить общеевропейскую линию, игнорируя национальные интересы, но получая возможность продолжить карьеру на общеевропейском уровне. Современные руководители Евросоюза являются генерацией именно таких политиков, а в рамках национальных политик (французской, немецкой, польской, эстонской и т. д.) выстраивается очередь желающих повторить этот путь. Создается ситуация, когда политический класс в каждой из европейских стран более пробрюссельский, нежели сами общества.

В Западной Европе процесс панъевропеизации («обрюсселивания») элиты идет очень быстро и уже перевалил за водораздел. Индикатором этого является захват дискурса в СМИ сторонниками общеевропейских и глобалистских нарративов. Их противники уже не могут высказывать свои взгляды без страха подвергнуться публичному остракизму. Национально ориентированные элиты здесь уже маргинализированы. На них в общественном сознании повешено клеймо «фашистов», от которого они не могут отмыться.

Более того, они уже не имеют и электорального большинства. Поэтому, несмотря на сегодняшнюю консолидацию и даже рост правых сил (то есть традиционалистских и национально-ориентированных), они уже не в состоянии развернуть интеграционный процесс вспять. В этом вопросе против них будет блокироваться большинство, которое политически раздроблено, но в отношении евроинтеграции консолидировано. Даже если правые придут к власти, им не позволят проводить антиинтеграционную политику, повязав коалиционными соглашениями, либо они сами «переобуются» и начнут утверждать, что им нужен другой, «правильный» Евросоюз.

Единственная возможность антиинтеграционного разворота – это национальная диктатура, подобная диктатуре Пилсудского в Польше, на которую ни одно из обществ Западной Европы сегодня не способно. Скорее возможно появление пробрюссельских диктатур в странах Восточной Европы, в которых ограничение национального суверенитета пока еще не поддерживается обществами.

В Восточной Европе структурный цикл, показанный на Рис. 2, в силу разных причин отстает от западноевропейского. Здесь общества пока еще более националистичны, и в них национально-ориентированные элиты остаются в электоральном большинстве. Но эти элиты слабее Брюсселя и зависят от него, поскольку являются получателями и просителями помощи. Они не борются против Брюсселя, а скорее шантажируют его с целью выторговать себе больше ресурсов и поднять свою роль в объединении. Их яркие лидеры, подобные В. Орбану, со временем уйдут либо будут сломлены Брюсселем.

На западе Европы этот процесс смены элит уже прошел. Генерация сильных и национально-ориентированных политиков, консолидировавших свои общества, таких как Ш. де Голль, К. Аденауэр, Ф. Миттеран, В. Брандт, Ж. Ширак, Г. Коль, М. Тэтчер и т. д., уже ушла, а генерация сильных общеевропейских политиков еще не пришла. Сейчас в Европе время политических конъюнктурщиков и временщиков. Но растущая социальная база неизбежно востребует себе консолидирующих Европу лидеров – новых Наполеонов, Александров Македонских, а может быть, и Гитлеров.

Возможный распад Евросоюза. Современная политическая конструкция Евросоюза застряла на полпути. Она уже ушла от декоративной надстройки над независимыми национальными политическими системами, но еще не пришла к полноценной системе обладающей монополией власти. Поэтому ее судьба предreshена. Она будет либо постепенно эволюционировать в этом направлении, преодолевая сопротивление прежде всего восточноевропейских противников суверенизации Брюсселя, либо революционно реформироваться через временный ее распад.

Однако распад Евросоюза не будет означать возврат к прежней Европе самодостаточных наций. Наоборот, если он произойдет, то значительно ускорит интеграционный процесс, поскольку сразу же встанет вопрос нового объединения. Европейское массовое сознание уже охвачено идеей Единой Европы; оно беременно этой идеей и должно ею разрешиться.

Поэтому сама брюссельская элита при определенных обстоятельствах может не противиться распаду текущей евроконструкции. Конечно, выход из Евросоюза ведущих континентальных держав и его распад вызовет тяжелейший кризис, но позволит пересобрать союз в более узком составе, который дозрел до отказа от полных национальных суверенитетов. Восточноевропейская периферия в этом случае будет поставлена перед выбором – либо оставить

ся за бортом объединения, либо согласиться с этим. Этот выбор встанет *вновь* и перед Британией.

Такая двухходовка позволит евроэлите поставить на место восточноевропейскую периферию или отсечь ее, лишит страны права вето, замкнут власть уже целиком на Европарламент. В результате возникнет новая политическая конструкция, уже не опирающаяся на национальные решения. Она будет и более демократичной, поскольку Еврокомиссия будет формироваться не сговором элит, а по результатам прямых общеевропейских выборов. Впрочем, этого результата можно добиться и не «хирургическим» путем, а постепенным удушением национальных суверенитетов.

Нации в Европе, конечно, останутся, но они перестанут быть независимыми политическими акторами и социальными субъектами и со временем станут подобием немецких земель в составе Германии или штатов в составе США.

Признаки кризиса и деградации Европы, которые мы сегодня наблюдаем, являются проявлениями *кризиса роста* или кризиса рождения нового. Он болезненный, но его разрешение ведет к будущему усилению Европы. Конечно, речь идет не о завтрашнем дне, а о дистанции в 50–100 лет, что вытекает из схемы на Рис. 2.

Экономический кризис, который мы наблюдаем в Европе, также нельзя считать экзистенциальным и неразрешимым в будущем. Он в значительной мере вызван переориентацией с относительно дешевой российской ресурсной базы, которая была эксклюзивно дешева для нескольких ведущих экономик Европы, на общую для всех мировую ресурсную базу. Но он также обусловлен и переориентацией США на более явную экономическую конкуренцию с Европой.

Эти два фактора ослабляют Европу и могут иметь негативные социальные последствия. Но это временные факторы. Европа может адаптироваться к этим условиям, в том числе через снижение уровня социальной поддержки, милитаризацию экономики и общественного сознания, что и создаст условия для снятия чрезмерной социальной нагрузки. Сам же потенциал Европы в экономической, финансовой, научной, технологической, демографической и прочих сферах никуда не исчезает. В единой политической оболочке он лишь получит лучшие условия реализации.

Приобретение Европой собственной субъектности позволит ей стать более эгоистичной и выстраивать более выгодные отношения

как с США, так и с их конкурентами, например с Китаем. Европа как целое, скорее всего, вернется и к экономическим отношениям с Россией, потому что они уже не будут разъединять Европу, как это сегодня делают особые отношения с РФ Венгрии, а недавно – и Германии.

Миграционный кризис является несравненно более опасным для Европы. Но и он имеет свое возможное разрешение, которое также лежит в области обретения Европой социальной субъектности и большего эгоизма.

Идеология мультикультурализма, которая использовалась как таран против национальных обществ, открыла двери Европы для потока мигрантов. Он нарастал в условиях разложения национальных эгоизмов и незрелости общеевропейского. Европа на какое-то время стала беззащитной, поскольку ее не защищал ни национальный, ни европейский эгоизм.

Но сегодня включается процесс, которого не было раньше, – пробуждение европейского самосознания и субъектности. Ему начали способствовать и внешние факторы – конфликт с Россией и неожиданная размолвка с США, открывшая европейскому сознанию его самость, отличность от американского.

Общеевропейское самосознание будет повторять путь формирования национальных. Как каждая нация проходит этап вызревания в ней *национализма*, так и в европейском обществе будет вызревать его аналог в цивилизационном формате, который можно назвать *цивилизационализмом*. И другие «измы», образованные от *нации* (нацизм, национализм, интернационализм и т. д.), могут быть образованы и от *цивилизации*. Более того, эгоизм цивилизационного формата, как и национальный, может также принимать шовинистические и ксенофобские формы.

По мере формирования общеевропейского общественного самосознания и появления европейского «мы» оно будет становиться все более эгоистическим, самодостаточным и, как следствие, отчуждаться от «они», в которое будут попадать и мигранты. Поэтому повестку торможения миграции, которую сегодня продвигают правонационалистические силы, со временем перехватят и брюссельские элиты, пока еще леволиберальные. Европа, осознав себя особым целым, будет закрываться и от мигрантов. Остается открытым вопрос ее способности «переварить» уже имеющееся миграционное разнообразие в общеевропейском социальном «котле».

В этой связи замечено, что сегодня Европа находится в положении Рима накануне его распада в V в. (Engels 2014), что явно следует и из нашей схемы на Рис. 2 (переход к этапу VII). Оба общества на этом этапе столкнулись с наплывом варваров, ресурсными ограничениями и экономическими трудностями, размыванием идентичности и утерей социальной солидарности. Из этого чаще всего делают вывод о неизбежном распаде и гибели Европы. Между тем, если представлять себе смысл структурного процесса, то можно увидеть, что из этой ситуации есть и другой выход – движение вперед к консолидации более широкого общества, чего Рим не смог осуществить. Сегодня Европа находится в лучших материально-технологических и идейно-ценностных условиях, поэтому она с большей вероятностью способна преодолеть цивилизационный структурный барьер.

Европа и Запад. Поскольку структурные фазы длятся около 250 лет, в том числе и в 1500-летней предыдущей истории Европы (Рис. 2), то пик вызревания европейского самосознания и общества должен прийти на начало и середину следующего века. Это очень большая историческая дистанция, которую можно оценить, отложив ее в прошлое и сравнив современную Европу с европейскими нациями XIX в. Этого времени достаточно для того, чтобы Европа, преодолев национальный эгоизм, стала единым социальным целым и в результате – сильным эгоистическим актором, подобным национальным обществам XIX–XX вв.

При этом начавшееся обретение Европой субъектности изменяет отношения не только между ней и другими цивилизационными центрами, но и внутри самого западного сообщества.

Пока в Европе были сильные национальные государства, такие же, как сами США или Россия, то они конкурировали и блокировались одни против других. Но консолидация Европы все меняет. Время, когда Россия могла строить особые отношения с отдельными странами, например с Германией, а США – с Великобританией, уходит. Более того, сегодня становится заметным, что Европа и Соединенные Штаты – это разные социальные субъекты с разными и даже конфликтными интересами. Намотившаяся размолвка США и Европы – это не случайность, не ошибка и не прихоть Дональда Трампа. Это тенденция, обусловленная субъектизацией Европы.

Конфликт с Россией. Несмотря на ценностную и культурную родственность элит Европы и США, сегодня обнаруживается, что в конфликте с Россией у них различные геополитические интересы.

Европейские интеграционные элиты в настоящий момент находятся в конфликте с национальными, и этим обусловлен их геополитический интерес. Национальные элиты, реализуя национальные эгоизмы, готовы сотрудничать с Россией ради экономических преимуществ такого сотрудничества. Они не видят и цивилизационной угрозы себе. Брюссельской же элите в борьбе с национальными нужна внешняя и общая для всех угроза в лице России. Эта угроза заставляет страны «сбиваться в кучу», консолидироваться вокруг общего центра. Ради этого европейская элита готова в моменте жертвовать экономическим благосостоянием Европы. Она готова втягиваться в конфликт с Россией без победы в нем, поскольку и в таком виде этот конфликт приносит ей политические дивиденды в форме сплочения пробрюссельских сил.

Американские элиты, хотя они также расколоты, обременены другой проблемой – глобальным доминированием. Они несут ответственность, которой нет у европейских элит. США не могут позволить себе длительный конфликт с Россией без явной и быстрой победы в нем, то есть неспособны долго балансировать между растущей угрозой ядерного столкновения с РФ и растущей угрозой утери глобального доминирования. Этим и обусловлена наметившаяся при Д. Трампе корректировка американского подхода к конфликту с Россией.

Сам по себе внутриамериканский конфликт элит не уникален; он аналогичен конфликту интернационалистического и реалистического крыльев большевиков в России. При этом демократов США можно уподобить ранним большевикам (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий), которые были готовы принести национальные интересы в жертву всемирному обществу и своему глобальному доминированию в нем. Республиканцев США можно уподобить поздним большевикам (И. В. Сталин), которые более реалистично и менее идеологизированно смотрят на глобализацию и хотят использовать глобальное доминирование в национальных интересах. Так же как Сталин отказался от мировой революции, распустил Коминтерн и сделал приоритетом построение социализма в СССР, и часть американской элиты хочет, сохраняя глобальное влияние, отказаться от иллюзорной цели тотального контроля и приоритетно заняться внутренним делом – «сделать Америку великой вновь».

Отношение Соединенных Штатов к России имеет и структурно-форматный аспект. До недавнего времени американские элиты имели в отношении нашей страны двухпартийный консенсус, который сформировался после распада Советского Союза и сменил

коротко живший прежний консенсус времен перестройки, состоявший в поддержке М. С. Горбачева и целостности Советского Союза. Новая стратегия, которую реализовывали все администрации, включая первую трамповскую, ставила цель «додавить» Россию по примеру Советского Союза и собрать ее окружение в свою сферу влияния. Это подразумевало ничем не ограниченное расширение НАТО и *принципиальный* отказ в учете мнения России на всем пространстве за пределами ее границ, поскольку любая договоренность с РФ сразу обозначает ее сферу влияния. То есть эта стратегия основывалась на том, что Россия не является и уже никогда не будет являться цивилизационным и, в силу этого, интеграционным центром. Это оказалось заблуждением.

Такая стратегия опасна тем, что из нее нет иного выхода, кроме успешного достижения цели. При этом она опиралась на два других заблуждения. Одно состояло в том, что Россия так глубоко упала, что уже не сможет подняться и «не посмеет» ответить военным путем на медленное и постепенное удушение ее Западом. А другое – в том, что если это случится, то у США достаточно силы и глобального влияния, чтобы поставить «страну-бензоколонку» на место. Поэтому первой рефлексивной реакцией США на неудачное для России начало конфликта с Украиной стало нанесение ей «стратегического поражения».

Но быстро выяснилось, что ни военным (поставки оружия Украине), ни экономическим давлением (санкции) не удастся этого добиться, прежде всего потому, что США уже не имеют достаточно сил и влияния, чтобы изолировать Россию от Глобального Юга. В этих обстоятельствах демократическая администрация начала вводить вторичные санкции в отношении партнеров России. Но ни Китай, ни Индия не отказались от сотрудничества с РФ. Продолжение давления на них начинает выдавливать их и из долларовой системы, подталкивать к созданию альтернативных финансовых институтов и может расколоть глобальные рынки на разные зоны. Тупиковость этой стратегии явно обозначили представительство и темы саммита БРИКС в Казани, прошедшего накануне выборов в США.

Перед американскими глубинными финансово-корпоративными элитами, которые сращены с обоими крыльями политической системы, встала задача если не закончить, то хотя бы дистанцироваться от конфликта с Россией, который они сами спровоцировали. Но сделать это требовалось без потери лица и мирового лидерства. Именно под эту задачу элиты допустили победу Д. Трампа, «оде-

нуж» в последний момент демократов (СМИ... 2024). Трампу по разным причинам легче отказаться от предыдущего курса и свалить конфликт на европейцев.

При этом брюссельская элита готова и дальше балансировать на грани войны с Россией. Ее безответственность имеет и структурный аспект – она уже не национальная, но еще и не общеевропейская, поэтому не берет на себя ни той, ни другой ответственности. Это первая элита, которая не имеет опыта холодной войны и реального противоборства. Она сформировалась в тепличных геополитических условиях при одном центре силы. Поэтому она приобрела вассальную психологию и детскую инфантильность. Она требует от сюзерена продолжения прежнего курса, но не желает принимать на себя ответственность за последствия, всегда ожидая присутствия сюзерена за спиной.

Положительный аспект здесь в том, что возможное фиаско этого поколения европейской элиты будет формировать геополитическую психологию следующего, более зрелого и ответственного ее поколения.

Правые и левые. Сегодня мешаются понятия о политически левом и правом. Со времен Французской революции к правым относили сторонников монархии и сохранения статус-кво, то есть консерваторов, а к левым – сторонников республики и буржуазных реформ, то есть новаторов и революционеров. С появлением марксизма это деление приобрело и другое измерение – капитализм – коммунизм (индивидуализм – коллективизм). Либерально-индивидуалистские взгляды переместились на правый фланг, поскольку они были направлены на сохранение капиталистического общества, а коллективистско-коммунистические остались на левом, поскольку имели целью его революционное преобразование.

Сегодня у этого деления возникает еще одно измерение – структурно-форматное. В его основе также лежит направленность либо на консервацию традиционного «вчера», либо на его преобразование в новаторское «завтра». Левыми вновь оказываются либералы-индивидуалисты, которые стремятся подорвать национальные общества ради глобальной общности, а правыми – сторонники их сохранения, даже если они политические левые марксисты. Например, демократов США уже называют левыми троцкистами, а российских коммунистов – правыми патриотами.

Таким образом, каждый раз по мере традиционализации новаторских ценностей с левого на правый фланг перемещаются и сторонники этих ценностей. К примеру, ранние христиане были нова-

торами (то есть левыми), но, добившись в Средние века христианизации обществ, стали фундаменталистами (то есть правыми), по отношению к которым реформаторы церкви – протестанты – вновь стали левыми.

В этом смысле союз левой брюссельской элиты с левыми американскими глобалистами временный. Природа раскола в американской и европейских элитах различается. В США национальным правым противостоят сторонники глобального общества, а в европейских странах – прежде всего сторонники панъевропейского общества. По мере субъективизации Европы значительная часть брюссельской элиты будет перемещаться на европатриотический (охранительный) правый фланг и размежевываться с глобалистами. Вместе с евроэгоизмом евроэлита будет брать на вооружение европейское подобие трампизма и придавать MEGA-движению (Make Europe Great Again) иной смысл величия.

Сложноцивилизационный формат общества

Родственная конкуренция. В межцивилизационной конкуренции Запад уже не выступает как единое целое. В нем начинается внутренняя конкуренция между цивилизационно близкими (в культурном отношении) центрами. Родственная конкуренция всегда содержит в себе сильную эмоциональную составляющую – ревность, обиду, упрямство и т. д., но также предполагает наличие взаимной симпатии и объединительной идеи. Они есть в элитах Европы и США. Это конкуренция за лидерство, за объединение, за консолидацию родственных сил.

Такая конкуренция имела место между родственными номами Египта, городами-государствами Месопотамии, царствами Китая или Индии, греческими полисами, русскими княжествами, да и между самими европейскими нациями в XIX–XX вв. И всегда эта конкуренция вела к их объединению в более широкую политическую систему.

Административная фаза западной общности. Если для Европы текущая фаза является универсальной, то для более широкой общности это административная фаза. Но какая это общность?

Обострение родственной конкуренции США и Европы указывает на то, что, возможно, впереди нас ждет административная фаза не глобальной общности (этап VII, Рис. 2), а менее крупного образования – лишь западной общности.

Иными словами, между цивилизационным и глобальным форматами может существовать промежуточный формат – сложно-

цивилизационный. Нечто подобное обнаруживается и в менее крупных форматах. Например, мы выделяем форматы простого и сложного вожества или простой (моноэтнической) и сложной (полиэтнической) нации. Поэтому и на цивилизационном уровне вполне возможны два последовательных формата – простой (европейский) и сложный (общезападный). Последний можно понимать как полицивилизационный или суперцивилизационный (в стиле терминологии Л. Н. Гумилева). Возникновение обществ в таких форматах будет разделять 250-летняя фаза, которая, соответственно, отодвинет и образование глобального общества.

Тогда американское военное-политическое подчинение Европы и создание НАТО в середине XX в. можно понимать как начало административной фазы такого суперцивилизационного западного общества.

Однако американцы явно просчитались, когда не стали препятствовать экономическому и, главное, политическому объединению Европы, не понимая его отдаленных последствий. Они представляли это объединение некой административной провинциализацией в духе образования подчиненной римской провинции. В их глазах оно лишь дополняло НАТО в задаче контроля Европы, в которой США видели только национальные государства и больше опасались возрождения германской гегемонии.

Расширение против углубления евроинтеграции. США долго подталкивали мессианские амбиции европейских элит к политическому *расширению* и включению в ЕС Великобритании, Турции, Восточной Европы, Прибалтики, Балканских стран. Тем самым они препятствовали *углублению* интеграции западноевропейского ядра Европы, которая делала бы Европу более сильным конкурентом. Например, принятие Польши сразу уравновесило германо-французское лидерство в ЕС и заблокировало передачу большего суверенитета в Брюссель.

Подталкивание Европы к дальнейшему расширению, теперь уже за счет Украины, Грузии, Молдовы, конечно, продолжает отодвигать проблему для США на некоторое историческое время, но превращает ее в будущем в еще бóльшую. Поэтому сегодняшняя республиканская администрация уже начинает говорить о развале ЕС, запоздало пытаясь перехватить уходящий к Брюсселю контроль над европейскими странами.

Запад как суперцивилизационное общество-государство. Не только Европа, но и некоторые другие возможные компоненты

единого Запада – это не совсем нации, но более сложные образования, близкие к цивилизационным.

Например, США исторически более сложное общество, чем европейская нация. Его отдельные штаты являются полугосударственными образованиями, а общество прошло трудный путь расовой, по существу цивилизационной универсализации. Впрочем, более сложными обществами, чем нации, являются также Россия, Китай, Индия.

Во внутризавпадной конкуренции, помимо США и Европы, в будущем могут принять участие и другие акторы цивилизационного формата, например Южная Америка, которая также имеет тенденцию к интеграции, хотя и не столь выраженную, как Европа. Южная Америка в культурном отношении является европеизированной, хотя и не в англо-саксонско-германской, а в латино-испанской версии европейскости. Это статусно сближает ее с Россией, которая во многом являет собой еще более дальнеродственный византийский (православный) вариант европейскости. В этом смысле и Россия – возможный участник будущей внутризавпадной конкуренции наряду с Европой и США. Эта будет борьба за политическое, а затем и социальное объединение в целостность более сложного формата.

Если такой формат окажется эволюционно востребованным и закрепление общества в нем станет необходимым предварительным шагом, прежде чем процесс будет способен преодолеть преграду глобального общества, то сначала должны возникнуть несколько сложноцивилизационных обществ, возможно, только два – западное и незападное.

Но сегодня Запад выглядит единственным очевидным кандидатом на возникновение общества такого формата, для чего ему необходима 250-летняя административная фаза нахождения в общей политической структуре.

Незападные кандидаты на суперцивилизацию. Очевидно, что Китай и Индия довольно специфические цивилизационные образования, которые недостаточно универсальны и во многом замкнуты в себе, то есть не стремятся к ценностной экспансии. Другие возможные цивилизационные целостности, например черная Африка или арабский мир, еще даже не обозначились.

При этом сама возможность появления суперцивилизации связана с ценностной революцией и появлением глобальных ценностных амбиций. Для этого нужны новые ценностные концепции, сравнимые с новаторством идей Маркса или Конфуция, Христа или

Будды. Ни одна из незападных цивилизаций пока не демонстрирует подобного ценностного и социального перерождения и не претендует на мессианскую роль глобального лидера.

Прогнозирование на такой дистанции, конечно, гипотетично, однако в структурном отношении возможных сценариев всего три.

Один (маловероятный) – это ценностное перерождение незападных цивилизаций, которое позволит осуществиться их лидерству и появлению новых суперцивилизаций.

Другой (более вероятный) – это продолжение западного ценностного лидерства и последовательное усиление западной суперцивилизации за счет постепенной вестернизации других.

Третий сценарий (который может вылиться во второй) – это образование единой незападной суперцивилизации. Такая возможность вытекает уже из того, что политической конкуренции свойственна биполяризация.

Например, в ходе борьбы греческих полисов за гегемонию всегда образовывались два блока. К двум партиям сводилась политическая борьба в Риме и Византии. Биполярной является политическая система США и многих других демократий, биполярным было противостояние капитализм – коммунизм и т. д.

Поэтому процесс политической консолидации Запада (в частности, по вопросу конфликта с Россией) сразу вызывает процесс политической консолидации не-Запада. В этом смысле образование БРИКС – не случайная структурная флуктуация, а естественная защитная реакция мира на появление в нем слишком сильного претендента на гегемонию.

Объединение или федерализацию не-Запада в единое *политическое* целое представить еще можно, но вызревание в нем единого *общества* – уже с трудом. Конечно, речь идет не о завтрашнем дне, а о двух-трех столетиях, но и для такой дистанции это неочевидный результат. На этом этапе третий сценарий как раз и может перейти во второй.

Но, возможно, именно культурная несовместимость друг с другом незападных обществ востребует сознание и идеологию нового качества и нового уровня толерантности, которые необходимы для преодоления межцивилизационных барьеров. Путь уважительного сосуществования фундаментально различных культурно-ценностных систем, которым сегодня интуитивно, а скорее вынужденно, идут незападные цивилизации, может оказаться более эффективным способом движения к межцивилизационному единству.

Впрочем, идеологии одного лишь сохранения традиционных ценностей и уважительного отношения друг к другу явно недостаточно для межцивилизационной интеграции. Необходимы социальная идея и социальный пример такой привлекательности и новаторства, чтобы они мотивировали миллионы, а сегодня уже и миллиарды людей, так же как это делали в прошлом римский порядок, христианство (а также ислам, буддизм и т. д.), коммунистическая идея и эксперимент в России или социальный успех западных обществ.

Если следующего подобного ценностного перерождения ни в одной из суперцивилизаций не произойдет, то возможен и четвертый сценарий (апокалиптический), в котором Мир-Система коллапсирует и фрагментируется подобно Риму (вариант «б» на Рис. 3).

Россия между Западом и не-Западом. Если движение Европы, а затем и Запада к социально-политической консолидации ожидается, то место России в этом процессе не предопределено. Потенциально она может участвовать как в западной, так и в незападной интеграции, как это имело место в разные периоды ее истории.

Сегодня Россия активно выталкивается из сферы западных отношений, хотя ее европеизированные элиты этого и не желают. Но такое выталкивание ситуативно и сегодня в большей мере становится скорее европейским, а не общезападным. Оно обусловлено текущей острой потребностью Европы во внешнем враге для ее внутренней консолидации. Когда же этот процесс завершится, то Россия уравнивается с другими соседями Европы и вновь попадет в сферу нормальных, хотя и конкурентных, отношений. Ведь даже цель расчленения России не предполагала исключения ее компонентов из сферы западного влияния.

И уж если сегодня образуется такая конкурентная цивилизационная целостность, как Европа, то Соединенным Штатам становится более выгодным играть на ее противоречиях с подобной же целостностью – Россией, а не усиливать Европу и тем более Китай за счет ее распада.

Участие постпетровской России в европейских делах XVIII–XX столетий востребовалось тем, что одни нации – участники европейской конкуренции искали в ней союзника против других. Эта востребованность сохраняется и у более крупных западных цивилизационных образований в конкуренции друг с другом. Поэтому Россия может быть востребована не только как противовес Китаю, но и как противовес Европе и наоборот – Европой как противовес США.

Заключение

Предложенный паттерн структурных трансформаций не дает точных прогнозов будущего Европы. Он предлагает только дополнительное измерение и объяснительные инструменты для более глубокого понимания природы и возможных сценариев интеграции и дезинтеграции обществ.

Общий вывод из предложенного анализа состоит в следующем: не существует эволюционных ограничений для того, чтобы Европа стала политическим и социальным целым, а в эволюционной перспективе оказалась сильным и самостоятельным актором в конкурентной борьбе цивилизаций. Текущие затруднения Европы ведут ее не к распаду и деградации, а являются кризисом рождения новой Европы. На дистанции 50–100 лет она способна преодолеть этот кризис и трансформироваться из Европы наций в единую цивилизацию-государство.

Вопрос в том, станет ли эта Европа настолько сильной, что будет сама формировать общезападную политическую организацию, или окажется в ней в подчиненном положении у другого лидера. Эта развилка остается открытой и будет определяться результатом приложения воли и усилий социальных акторов.

Литература

Бергер, П., Лукман, Т. 1995. *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания*. М.: Academia-Центр; Медиум.

Валлерстайн, И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга.

Васильев, Л. С. 2008. Факторы истории. *Историческая психология и социология истории* 1: 169–195.

Гринин, Л. Е. 2007. *Государство и исторический процесс: в 3 т.* М.: КомКнига.

Даймонд, Д. 2010. *Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают*. М.: АСТ.

Дарендорф, Р. 2002. *Современный социальный конфликт: очерк политики свободы*. М.: Росспэн.

Добролюбов, С. В.

2010. Теория социогенеза обществ. *Социологические исследования* 3: 3–15.

2012а. Полисный, национальный и цивилизационный циклы социогенеза российской общности. *Мир России* 2: 116–143.

2012б. Коллективный агент и коллективный субъект: Некоторые основания концептуализации. *Социологический журнал* 2: 53–80.

2016. Глобальное общество как точка сингулярности и фазового перехода к новому типу социальной эволюции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: срезы, правила, прогнозы*. Волгоград: Учитель. С. 229–262.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: URSS.

Луман, Н. Л. 2004. *Общество как социальная система*. М.: Логос.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1959. К критике политической экономии. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Собр. соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

Олсен, М. 1995. *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.: ФЭИ.

Парсонс, Т. 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Семенов, Ю. И. 2003. *Философия истории*. М.: Современные тетради.

СМИ: большинство газет в США не поддержали одного кандидата в президенты. 2024. *РИА Новости* 5 ноября. URL: <https://ria.ru/20241105/ssha-1981937091.html>.

Тилли, Ч. 2019. *От мобилизации к революции*. М.: Изд-во ВШЭ.

Тойнби, А. Дж. 2004. *Постижение истории*. М.: Айрис-пресс.

Biraben, J. N. 1979. Essai sur l'évolution du nombre des homes. *Population* 34(1): 13–25.

Childe, G. 1950. The Urban Revolution. *Town Planning Review* 21: 3–17.

Claessen, H. J. M., Skalník, P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague: Mouton.

Dobrolyubov, S. V. 2009. Theory of Society's Genesis. *Social Evolution and History* 8(1): 221–255.

Engels, D. 2014. *Auf dem Weg ins Imperium: Die Krise der Europäischen Union und der Untergang der Römischen Republik. Historische Parallelen*. Berlin; München: Europa Verlag.

Shaw, I. 2000. *The Oxford History of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press.

Tainter, J. A. 1990. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tajfel, H., Turner, J. C. 1986. The Social Identity Theory of Inter-group Behavior. In Worchel, S., Austin, L. W. (eds.), *Psychology of Inter-Group Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall. Pp. 7–24.